

Губжокова Н.К.

**ИНСТИТУТ АТАЛЫЧЕСТВА У АДЫГОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Губжокова Нуриет Карпушевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики

ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп, Россия

E-mail: gubzhokova.nuriet2015@yandex.ru

тел.: 8 (928) 469 64 52

Исторические и этнографические описания уникального адыгского педагогического института воспитания в чужом доме (аталычества) являются информативными источниками, позволяющими позднейшим исследователям прояснить немаловажные аспекты его формирования и особенности функционирования. В рамках настоящего исследования рассматриваются иностранные источники, имеющие значительно более широкий временной охват по сравнению с российскими описаниями аталычества. В работе использованы историко-этнографические описания западных и восточных путешественников, миссионеров, политических агентов, посещавших Черкесию в XV-XIX столетиях. Использование проблемно-хронологического подхода позволило отразить поэтапный характер формирования представлений об этом экзотическом для иностранцев педагогическом институте. Немаловажно, что данные источники отражают и вторую сторону аталычества, когда оно использовалось в качестве способа закрепления сюзеренно-вассальных отношений как внутри Черкесии, так и между адыгской знатью и Гиреями – правящим домом Крымского ханства. В работе выявлено, что внешнеполитическая разновидность аталычества более адекватно описана восточными авторами. Оригинальной интерпретацией автора настоящей статьи античных источников (посвящения царя Боспора Левкона I) является версия о значительно более ранних истоках формирования института аталычества, чем это представлялось ранее.

Ключевые слова: педагогика, педагогический институт, воспитание, источники, историография, аталычество, аталык, Черкесия, черкесы, адыги.

Для цитирования: Губжокова Н.К. / Институт аталычества у адыгов в представлениях иностранных авторов: источниковедческий аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 4(43). С. 60-68. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-14006.

Gubzhokova N.K.

**THE ATALYCHESTVO INSTITUTION OF THE ADYGHES IN THE
PERCEPTION OF FOREIGN AUTHORS: A HISTORIOGRAPHIC ASPECT**

Gubzhokova Nuriet Karpushevna, Candidate of Philology, an associate professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy

FSBEI of HE “Maykop State Technological University”, Maykop, Russia

E-mail: gubzhokova.nuriet2015@yandex.ru

tel.: 8 (928) 469 64 52

Historical and ethnographic descriptions of the unique Adygh pedagogical institute of upbringing in a stranger's house (atalychestvo) are informative sources that allow later researchers to clarify the important aspects of its formation and features of functioning. In this research foreign sources are considered that have a much wider time coverage than Russian descriptions of the atalychestvo. The work uses historical and ethnographic descriptions of Western and Eastern travelers, missionaries, political agents who visited Circassia in the 15th-19th centuries.

The use of the problem-chronological approach made it possible to reflect the phased nature of the formation of ideas about this pedagogical institute, exotic for foreigners. It is important that these sources also reflect the second side of the atalychestvo, when it was used as a way to consolidate suzerain-vassal relations both within Circassia and between the Circassian nobility and the Gireys - the ruling house of the Crimean Khanate. The work revealed that the foreign political variety of atalychestvo is more adequately described by the eastern authors. The article presents the author's original interpretation of ancient sources (the dedication of Tsar Bosphorus Levkon I) about the much earlier sources of the formation of the atalychestvo institution than previously imagined.

Key words: *Pedagogy, pedagogical institute, upbringing, sources, Historiography, atalychestvo, atalyk, Circassia, the Circassians, the Adyghs.*

For citation: Gubzhokova N.K. / The atalychestvo institution of the Adyghs in the perception of foreign authors: a historiographic aspect // Vestnik Maykopskogo Tekhnologicheskogo Universiteta. 2019. Issue 4(43). P. 60-68. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-14006.

Институт аталычества – воспитания детей в чужих семьях – вызывал у исследователей значительный интерес на протяжении всего периода его бытования у адыгов. Одной из важнейших составляющих корпуса источников и историографии проблемы адыгского аталычества являются тексты зарубежных авторов, охватывающие многообразные аспекты рассматриваемой проблемы.

Вполне естественно, что в силу внешней открытости адыгской культуры (прежде всего – ее элитарной составляющей) первое упоминание об уникальном педагогическом институте встречается задолго до начала накопления русскоязычной источниковой базы.

В силу значительной культурной дистанции адыгов и представителей иных культур, некоторые реалии адыгского мира могли восприниматься иностранными путешественниками через призму собственных устоявшихся представлений о допустимом/недопустимом, цивилизации/дикости, современном/отсталом и т.д.

К чести многих из них, они избегали резких оценок и безапелляционных суждений, взирая на экзотические для них обычаи и обряды через призму того, что можно условно назвать «функционализмом», – т.е. конкретный элемент любой культуры логичен и необходим в рамках той цивилизации, неотъемлемой частью которой он является. И именно с точки зрения носителей данной культуры и необходимо рассматривать сущность тех или иных культурных артефактов (обрядов, обычаев, запретов, поведенческих стереотипов и др.).

Практически все свидетельства об адыгском аталычестве относятся к эпохе феодализма. Однако самый ранний текст, который можно интерпретировать как

подтверждение бытования этого института у местных племен, отсылает нас к античным временам, когда предки адыгов были известны под именами синдов, меотов и др.

Обнаруженное в 1985 г. на Семибратнем городище (вблизи от современной ст. Варениковской Крымского района Краснодарского края) стихотворное посвящение боспорского царя Левкона I на постаменте статуи Аполлона, гласит, в частности, следующее: «... Владыке города лабритян я, помогающий после сражения и победы над Феодосией, указал Октамасаду: «Уводи к себе от синдов обоих сыновей и уничтожь смертоносную дружбу царя синдов – ведь враждебен доводящий царство до тяжелейшего [поражения]». [1, с. 36]

Из контекста надписи следует, что синдский царь Гекатей совершил нападение на Лабриту и вынудил ее царя Октамасада заключить невыгодный союз с Синдикой, при этом два сына лабритского царя были отданы в качестве заложников¹. Вероятно, что последний факт можно интерпретировать не как заложничество, а как некий вариант искусственного родства, оформленный для подтверждения взаимного союза. В пользу этой версии говорит, в частности, вытекающая из текста возможность возвращения сыновей царя Лабриты по инициативе слабейшей стороны договора (что, кстати, было возможно и в эпоху «классического» адыгского аталычества)**.

Начало эпохи адыгского феодализма с ее развитой системой вассалитета, который поддерживался в т.ч. и установлением искусственного родства, оставило немало свидетельств и интерпретаций института аталычества.

«Лишь только сыну знатного исполнится два или три года, - отмечает итальянский путешественник конца XV в. Джорджио Интериано – его отдают на попечение одному из слуг, и тот ежедневно его возит с собою на коне с маленьким луком в руках, и как завидит курицу или [другую] птицу, а не то свинью или другое животное, то учит его стрелять, а затем, когда он станет побольше, он и сам охотится за этой живностью в своих же собственных владениях, и подданный не смеет чинить ему никаких препятствий. Сделавшись же взрослыми мужчинами, они проводят свою жизнь в постоянной охоте на диких зверей, но более всего охотятся за домашними [животными] и даже за людьми». [4, с. 48]

В описании Интериано уже присутствуют основные признаки аталычества. Так, ребенок владельца отдается нижестоящему на сословной лестнице, но непременно дворянину – ясно, что простой «слуга» не мог бы ездить верхом в силу упомянутого тем же Интериано категорического запрета для простолюдинов на владение лошадьми. [4, с. 47]

¹ Следует отметить, что наряду с прочтением Блаватской есть и другие переводы данной посвятельной надписи; обзор таковых см., напр.: [2, с. 59]. Нами выбран равновероятный перевод Т.В. Блаватской как наиболее близко отражающий тему настоящей работы.

** Примечательно, что подобная система отдачи ребенка на воспитание (в мировой антропологии устоялся термин «fosterage») в тот период уже существовала и была хорошо знакома грекам и Пелопоннесу, и Боспору – и не только по синхронным синдскому времени реалиям эллинского мира. Немаловажна и отсылка к греческим мифам. В.Г. Безрогов рассматривает сюжет о воспитании Ахилла кентавром Хироном и человеком Фениксом, социализировавшими прославленного в будущем героя: «Мы видим типичный случай отдачи знатного ребенка более высокого статуса на воспитание человеку из более низкой знати, характерный для воспитания статусной, элитной молодежи в племенных обществах и древних цивилизациях, в том числе в гомеровской и архаической Греции (т.н. феномен воспитательства, кормильства или аталычества)» [3].

Здесь же изложено свидетельство о системе военного воспитания, в которую вовлекался ребенок с момента перехода к аталыку. Ребенок учится владеть сначала детским оружием (ср: у адыгов существовали детские комплексы боевого оружия, изготовлявшиеся в соответствии с ростом ребенка или подростка). Детская забава со временем превращается в особый образ жизни знатного человека, не знающего иных занятий, кроме охоты или войны. Показательно, что окружающие «не смеют чинить ему никаких препятствий», подобно тому как у адыгов мелкие правонарушения воспринимались как «молодечество», неизбежное последствие отработки воинских приемов.

Немецкий автор Якоб Рейнеггс, в 1786 г. издавший историко-топографическое описание Кавказа, похоже, был первым, кто обратил внимание на то, что передача ребенка аталыку происходила в присутствии семи свидетелей. Эти же «семь свидетелей клятвенно подтверждают княжеское происхождение юноши» при возвращении его в родительский дом по достижении совершеннолетия [5, с. 211]. Естественно, там, где речь шла о наследовании аристократического звания, подмены детей должны были быть исключены изначально.

Примечательно, что, в отличие от других авторов, акцентировавших внимание на воинской стороне аталычества, Рейнеггс отмечает, что воспитанник также «занимается религией, чтением и письмом» [5, с. 211]. К 16-ти годам процесс воспитания молодого человека подходит к концу, «приемный отец должен одеть его во все новое, соответственно его достоинству, снабдить его кольчугой, саблей, кинжалом, ружьем, луком, стрелами и конем, а также одним рабом» и в назначенный день торжественно возвращает юношу под родительский кров. [5, с. 211]

Швейцарский исследователь Фредерик Дюбуа де Монпере, в 1833 г. посетивший Черкесию, отмечает устойчивость адыгского аталычества на протяжении столетий, обряды которого проходят «так же, как и во времена Интериано» [6, с. 43]. Эрудиция французского исследователя позволяет ему проводить широкие культурные параллели, сравнивая аталычество средневековой Черкесии с воспитательством архаичной Греции и уподобляя адыгских князей «Пелею, доверяющему своего сына Ахиллеса попечением центавра Хирона» [6, с. 43]. Перечисляя основные умения, которые должен был усвоить воспитуемый, Монпере акцентирует внимание на «великом искусстве красноречия и рассуждения для того, чтобы он мог впоследствии блистать на собраниях, или своего рода импровизированных сеймах, на которых обсуждаются все дела, связанные с интересами народа» [6, с. 43]. Вероятно, что Монпере был первым, кто отметил, что дочери адыгских аристократов также отдаются на воспитание в чужие семьи, чтобы получить воспитание, соответствующее их полу и статусу. Автор отмечает, что иногда аталыки берут на себя заботу о женитьбе своего подопечного, выплачивая брачный выкуп семье невесты. Также аталык мог выдать замуж свою воспитанницу до ее возвращения в дом родного отца. При этом за устроенный им неравный брак своего воспитанника или воспитанницы аталык отвечает головой [6, с. 43-44]. Исключительно точным является наблюдение Монпере о сохраняющейся до конца жизни глубокой, «ничем непоколебимой привязанности» воспитанника к своему приемному отцу, и о некоторой «отчужденности, которая должна царить между [родными по крови] отцом и сыном, так поздно узнавшими друг друга». [6, с. 44]

Британский эмиссар Джеймс Бэлл, почти три года (с 1837 по 1839) проживший в Черкесии, оставил очень информативные и точные мемуары, в которых, зачастую детально, описал многие обычаи и обряды адыгов.

Какая институт аталычества, он отметил, что вознаграждение за воспитание ребенка нигде не оговаривается, но приемный отец, понесший значительные затраты на многолетнее содержание своего подопечного, вправе рассчитывать на материальную благодарность семьи воспитанника «когда заканчивается время опеки» [7, с. 272]. Однако, далеко не всегда ожидания аталыка сбываются – Бэлл описывает случай, когда обедневшая семья воспитанника ограничилась «полудюжиной посредственных лошадей и двух, находящихся в жалком состоянии, кольчуг», которые получили аталык и сопровождавшие его лица [8, с. 270], чему, в частности, способствовали и политические осложнения – окрестные жители-простолюдины, находившиеся в жесткой оппозиции к семье воспитанника, проигнорировали обычай одаривания аталыка [8, с. 270-271]. Кроме того, аталык ожидает, что ему будет выделяться часть добычи, которую воспитанник будет захватывать у врага [7, с. 272]. Но, конечно, политические дивиденды, которые приобретал аталык, воспитывая сына влиятельного аристократа, многократно перевешивали все его материальные траты за период обучения.

Бэлл подробно описал обряды, связанные с возвращением воспитанника в родительский дом, которые он имел возможность наблюдать, присоединившись к многочисленной свите аталыка. Центром группы являлся воспитанник «в полном военном одеянии», ехавший на подаренном аталыком коне. «Рядом с ним вели на поводу красивого белого коня» с богато украшенными седлом и упряжью, который так же являлся подарком аталыка своему ученику [8, с. 265-266]. Автор отмечает, что по обычаю, семья аталыка везла богатые дары, предназначенные родной семье воспитанника, которые были по такому случаю преподнесены родственниками, друзьями и подвластными аталыка. [8, с. 267]

Бэлл описывает ритуальное сражение, которое пришлось выдержать группе аталыка, чтобы пробиться к цели поездки – родовому селению воспитанника. Автор, который уже привык к воинственным играм черкесов, констатирует: «таков местный обычай», хотя ему только что пришлось вместе со всеми участниками «битвы» рисковать здоровьем и имуществом. [8, с. 267]

Многодневный праздник по случаю возвращения юноши от аталыка, кроме застолья, включал танцы и военно-спортивные игры, в числе которых «устраивались скачки с преследованием всадника, державшего белый флаг». Наблюдавший очередную ритуальную схватку всадников и пеших участников, англичанин констатирует сугубую практичность этого военизированного действия: «Хотя и будучи, по нашим представлениям, несколько грубым, это развлечение является великолепной школой для коней, готовящей их выдерживать стычки с пехотой». [8, с. 269]

Естественно, что институт аталычества был описан авторами не только Запада, но и Востока. Примечательно, что последние больше внимания обращали на внешнеполитический вариант черкесского аталычества. И это не случайно, поскольку на протяжении столетий черкесские князья являлись воспитателями отпрысков восточных владетелей, что подчеркивало определенную степень зависимости или покровительства со стороны Золотой Орды или Крымского ханства. Эта система устоялась уже в XIV в., а первым воспитанником черкесов являлся великий хан Золотой Орды Узбек. Согласно информации, исходившей от крымского правителя Шагин-Гирей-хана, со времен Узбека

«и поныне во всяком племени черкесском воспитывают султанов, и по большей части все султаны, государи наши, суть вскормленники одного народа» [9]. Массовый характер аталыческих связей Крыма и Черкесии подтверждает и молдавский господарь Дмитрий Кантемир, много лет проживший заложником в Стамбуле и которого тоже можно причислить к «восточным» авторам: «Сыновья крымских ханов в тот момент, когда они увидели свет, отсылаются к черкесам на воспитание и обучение. <...> Когда принц подрастет, его заботливо обучают езде верхом, стрельбе из лука, ношению оружия, военной науке и затем отправляют его домой». [10, с. 78]

Согласно турецкому путешественнику Эвлия Челеби, посещавшему Черкесию в 1660-х гг., едва ли не каждое адыгское политическое образование располагало своим воспитанником из дома Гиреев. В случае восхождения одного из них на трон в Бахчисарае, не только его приемный отец, но и все подвластные последнего, воспринимавшие себя в качестве коллективного аталыка, получали защиту и поддержку нового хана. Сознавая это, адыгские группы конкурировали друг с другом за право воспитания ханских отпрысков, иногда прибегая даже к насилию. Э. Челеби, в 1666 г. сопровождавший в путешествии по Черкесии свергнутого хана Мухаммеда IV, рассказывает, как черкесы силой забрали у последнего его сына, говоря: «Когда он от нас уйдет, это, может быть, станет залогом дружбы, он станет ханом, и нам от этого будет польза». [11, с. 74]

Любопытно, что институт аталычества можно рассматривать и в качестве культурного канала, посредством которого элитарная черкесская культура оказывала влияние на крымскую элиту. Дм. Кантемир писал, что черкесы «всегда изобретают что-нибудь новое в своих манерах или оружии, в которых татары подражают им так пылко, что черкесы могут быть названы французами в отношении татар. Их страна является школой для татар, из которых каждый мужчина, который не обучался военному делу или хорошим манерам в этой школе, считается «тентеком», то есть нестоящим, ничтожным человеком». [10, с. 78]

Как видим, иностранные авторы как европейского, так и восточного происхождения, внесли значительный вклад в формирование корпуса источников и историографию по проблеме адыгского аталычества. Можно констатировать, что данные исследователи осветили практически все стороны этого своеобразного педагогического и социального института, затронув и воспитательную его ипостась, и аталычество как способ укрепления сюзеренно-вассальных связей. Особого внимания авторов удостоилась внешнеполитическая подоплека аталычества, связывавшего черкесскую элиту и крымский правящий род Гиреев. Не осталась в стороне и обрядовая сторона аталычества (сопровождающая принятие ребенка на воспитание и возвращение его в родной дом). Отмечены психологические издержки многолетнего пребывания воспитанника в чужом доме. Широкая эрудиция авторов, знакомых и с античными трудами и с кавказоведческими исследованиями своих предшественников, дает им право судить об устойчивости института аталычества на протяжении столетий, а также позволяет им проводить широкие культурные параллели, находя аналогии черкесского аталычества и отраженного в эллинских мифах воспитания античных героев.

Литература:

1. Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // Российская археология. 1993. №2. С. 34-48.
2. Новичихин А.М. Октамасад Лабритский // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. Краснодар, 2013. С. 59-65.
3. Безрогов В.Г. Воспитатели Ахилла [Электронный ресурс. URL: <https://www.academia.edu/35357509/>]
4. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / сост. В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 46-52.
5. Рейнеггс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. Нальчик, 1974. С. 210-213.
6. Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа. Том I. Выпуск VI. Свидетельства иностранцев об Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1937.
7. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов: в 2-х томах. Том 1. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 408 с.
8. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов: в 2-х томах. Том 2. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 328 с.
9. Письмо А. Константинова – А. Стахиеву. 23 декабря 1779 г., Бахчисарай. Перевод с копии, сообщенной от светлейшего Шаган-Гирей-хана резиденту Константинову ... // Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. III. 1779-1780 гг. СПб., 1887. С. 483.
10. Кантемир Дм. История роста и упадка Оттоманской империи // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков. Нальчик, 2010.
11. Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М: Наука, 1979. 287 с.

Literature:

1. Blavatskaya T.V. Dedication of Levcon I // The Russian Archeology. 1993. No. 2. P. 34-48.
2. Novichikhin A.M. Octamasade of Labrit // Antiquities of the Western Caucasus. Vol. 1. Krasnodar, 2013. P. 59-65.
3. Bezrogov V.G. Achille's educators [Electronic resource. URL: <https://www.academia.edu/35357509/>]
4. Interiano J. Life and the country of Zikhs, called the Circassians. Interesting narrative // The Adyghs, the Balkars and the Karachais in the news of European authors of the XIII - XIX centuries/ comp. by V.K. Gardanova. Nalchik: Elbrus, 1974. P. 46-52.
5. Reineggs J. General historical and topographical description of the Caucasus. Nalchik, 1974. P. 210-213.
6. Monpere F.D. Traveling around the Caucasus. Volume I. Issue VI. Testimonies of foreigners about Abkhazia. Sukhumi: Abgiz, 1937.
7. Bell J. Diary of a stay in Circassia in 1837-1839: in 2 volumes. Volume 1. Nalchik: El-Fa, 2007. 408 p.

8. Bell J. Diary of a stay in Circassia in 1837-1839: in 2 volumes. Volume 2. Nalchik: El-Fa, 2007. 328 p.

9. Letter of A. Konstantinov to A. Stakhiev. December 23, 1779, Bakhchisaray. Translation from a copy reported from the most blessed Shagan-Girey Khan to resident Konstantinov ... // Crimea joining Russia. Rescripts, letters, reports and reports. V. III. 1779-1780 St. Petersburg, 1887. P. 483.

10. Cantemir Dm. The history of the growth and decline of the Ottoman Empire // The Caucasus: European diaries of the XIII-XVIII centuries. Nalchik, 2010.

11. Chelebi E. Book of travel. Vol. 2. The lands of the North Caucasus, the Volga region and the Don region. M.: Science, 1979. 287 p.